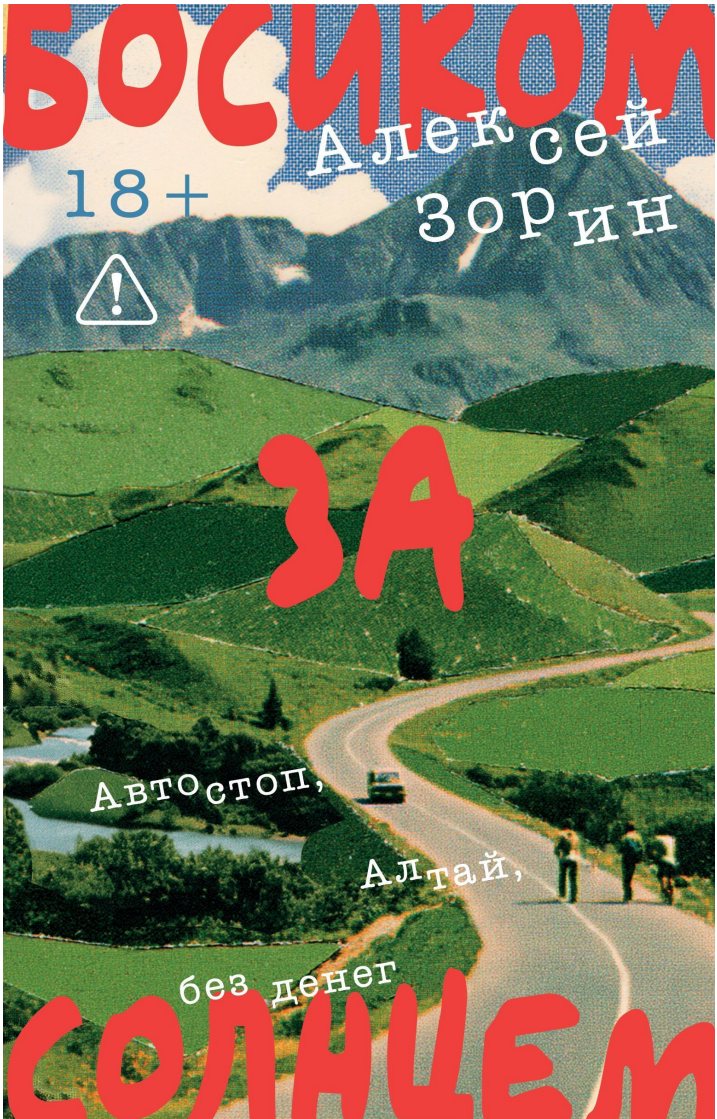

БОСИКОМ
Алексей Зорин
18+
ЗА
Автостоп, Алтай, без денег
СОЛНЦЕМ

Алексей Павлович Зорин

Босиком за солнцем

Серия «Светлое вчера»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74707381
Босиком за солнцем:
ISBN 978-5-04-255931-0

Аннотация

Лето 2002 года. Трое восемнадцатилетних парней запрыгивают в электричку и отправляются из Подмосковья на Алтай – за 4000 километров от дома. У них нет денег, опыта, навигатора и даже нормального снаряжения. Вместо этого – гитара, пара кнопочных телефонов и безрассудная уверенность, что дорога сама подскажет, куда ехать.

«Босиком за солнцем» – реальная история последнего поколения до смартфонов: дерзкая, смешная, опасная и живая. Роуд-роман о молодости, когда весь мир впереди, а единственный шанс узнать, что такое настоящая свобода, – шагнуть в неизвестность.

Содержание

От автора 5
Часть 1: 7
Введение в эпоху 7
Бойся Росомахи 16
Электричкинг 26
Москва – Петушки: по следам Венички Ерофеева 32
Азбука автостопа 36
Есть ли жизнь за МКАДом? 41
Последнее путешествие фаталиста 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Алексей Павлович Зорин
Босиком за солнцем

Как я в поисках свободы проехал автостопом пол-России без трусов и без денег.

Посвящается прекрасным людям, которые помогали нам в дороге. А тем, кто в пути, – шершавой трассы!

© Зорин А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

От автора

В наше время путешествовать автостопом стало очень легко. Посудите сами: навигатор проложит маршрут, на интернет-форумах каучсерфинга [1]найдешь бесплатные вписки или недорогие хостелы, кончились деньги в дороге – переведут на карту друзья-близкие, а то и кредит можно оформить онлайн. Да и вообще абсолютно любую информацию легко найти в сети в пару кликов! Но всего пару десятков лет назад все обстояло несколько иначе…

В этой книге нет выдуманных историй. Все, что вы прочитаете ниже, произошло со мной и моими друзьями летом 2002 года. Некоторые имена изменены.

Спасибо бета-ридерам:
Светлана Борисова
Анна Кондратьева
Наталья Сафонова
Адара Биза
Наталия Волкова
Анастасия Кочнева
Йола
Рони Феникс
Благодаря им эта книга стала лучше!

[1] Каучсерфинг – социальная сеть для путешественников, где участники бесплатно предоставляют друг другу помощь и ночлег во время путешествий.

*Для тех, кому книга не понравится: если бы не эти люди, она была бы еще хуже.

Все трюки выполнены профессионалами, не повторяйте в домашних условиях.

Часть 1:
Птенцы оперились

Каждая птица имеет право летать, свобода есть сущность каждого, и потому все, что ее ограничивает, должно быть отметено прочь.
Ричард Бах
Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Введение в эпоху

Это было тогда, когда мы уходили из дома…
Дмитрий Ревякин

2002 год, август

Я стою на трассе где-то на просторах Западно-Сибирской равнины и битый час пытаюсь поймать машину. Кто-то там сверху накинул на мир покрывало ночи, только под ним почему-то не тепло – хоть ночь и августовская, температура около десяти градусов. На мне драные кроссовки, которые я уже зашивал в пути, камуфляжные штаны со сломанной ширинкой (я закалываю ее булавкой) и майка без рукавов. Даже трусов нет. За спиной – гитара без первой струны, а должен быть рюкзак с палаткой, спальником и теплой кофтой. Но рюкзак у Шерифа, а Шериф где-то «под стелой на въез-

де в Челябинск» – это примерно пятьсот километров отсюда. Но доехал ли он? Связи нет, потому что у Шерифа нет телефона.

В Тюмень я уехал случайно – проспал нужный поворот в машине, которую застóпил прошлой ночью. Объезд велик – трасса огибает Петропавловск, потому что никто не хочет ехать через Казахстан – говорят, таможенники любят запускать руки в чужие карманы. Правда, у меня из вещей одна гитара, но кому нужны проблемы на границе?

Денег – четыре рубля мелочью, хватит на коробок спичек. Я думаю о спичках, потому что хочу курить, а зажигалка сломалась. А еще потому, что стою в таком месте, где пролетающим машинам меня совсем не видно; я для них – что упавшая звезда, на секунду мелькнувшая в темном небе. Моргнул – она уже исчезла. При таком раскладе стоит подумать о ночлеге, да и уши от холода уже ломит.

Вдалеке виднеется лес. Я мог бы разложить палатку, если бы не отдал рюкзак Шерифу. Я мог бы разжечь костер – мой единственный вариант пережить холодную ночь, – но у меня нет даже спичек. Я мог бы… да к черту! Нет никаких «мог бы». Есть только здесь и сейчас. И здесь и сейчас я… счастлив.

Это не то счастье, когда ты реализовал мечту, купил квартиру или родил ребенка. Это свобода от той жизни, которой ты жить больше не можешь, – но эта свобода похожа на смерть. Тот, кем ты был раньше – птица со сломанными

крыльями, запертая в клетке, – умер. И если уж удалось вырваться, проломив грудью решетку, то так ли важно, где и кто ты? Важно, что тебя там уже нет. Это похоже на бегство, на прыжок веры – с обрыва в бездну.

Я слышу шелест крыльев орла, слышу, как ветер играет в перьях. Что делает орел под Тюменью? Поворачиваю голову – то ли тень скользнула за моим плечом, то ли сама подруга-смерть, про которую еще Дон Хуан говорил: обернись – и ты узришь! Но нет, на обочине трассы в темнеющих сумерках я вижу силуэт индейца. Так вот что за шелест перьев! Ну да, индеец на трассе под Тюменью как будто привычней орла. Что он делает здесь? Что здесь делаю я? Возможно, я и оказался в этой ситуации, чтобы понять.

За полгода до этого

Это случилось в те далекие времена, когда в метро проходили по жетонам, разливное пиво продавалось в трехлитровых стеклянных банках, а сигареты в палатках – поштучно, в литровом пакете молока был действительно литр, а в килограммовом пакете пельменей… а этого никто не знает, потому что пельмени все лепили дома. Это были времена кнопочных Nokia-3310, долгих бесед по домашнему телефону и того самого «А Леша выйдет? А скиньте мячик!». Закат эпохи отчаянных путешественников, которые пускались в неизведанные края без малейшей информации о них, надеясь только на удачу да на вольный ветер, ибо больше надеяться было не на что – впрочем, им этого вполне хватало.

– Собьет машина.

– Не, в подворотне прирежут.

– В рабство продадут.

– Да просто замерзнут ночью насмерть, как бомжи, и все.

Варианты нашей бесславной кончины обсуждали абсолютно все друзья и знакомые, когда летом 2002 года мы собрались ехать автостопом на Алтай. Шутка ли – 4000 километров на попутках, и это только в одну сторону!

Мы – это трое тощих восемнадцатилетних парней с длинными хаерами.

Бо́рыш – поэт из прошлого века, случайно перепутавший время. Любитель посиделок с философскими беседами, интровертная душа компании, но с острым языком.

Агап – человек-загадка, окутанный мистическим флером, «вещь-в-себе» по Канту. Обладатель поистине дзенского спокойствия, словно хранящий внутри сдержанность Будды.

И я, Кесарь. Прозвище мне дали местные скины. Как-то ледяной зимой они пьяные ходили по подъездам (а в те времена можно было найти определенные подъезды, где зимой на лестничных клетках собиралась молодежь за распитием чего-то крепкого и не очень) и стреляли деньги на водку. У нас денег, конечно, не было – мы уже давно пропили те жалкие крохи, что удавалось наскрести по сусекам. Один из скинов – парень по кличке Буденный, весьма образованный, с глубокими познаниями в истории, – долго и пристально

смотрел на меня, сидящего с насупленными бровями в углу у батареи. А чего их не насупливать? Зима, холод, денег нет, выпить охота. И тут Буденный выдал:

– Вот ты сидишь в углу, брови нахмурил, аки Цезарь. – Он вскинул руку, словно на ней висел плащ с кровавым подбоем, и гордо провозгласил: – Цезарь! Спаси империю! Дай семь-писят на водку!

Из всей компании я, пожалуй, меньше всего подходил на роль Цезаря – хилый, забитый подросток с длинными патлами, греющийся у подъездной батареи в покрытом снегом Селятино. Друзья не могли не оценить столь яркий контраст, быстро переиначили Цезаря в Кесаря, и прозвище прижилось.

Нас с братом воспитывала мама – и тогда мне казалось, что это самое ужасное, что может произойти с пацанами. Брат рос сильным, здоровым и самостоятельным, и родители от него как-то быстрее отстали, а я постоянно болел. Еще в младенчестве я случайно отравился средством от клопов и чудом выжил, неделю пролежал в больнице один – маму ко мне не пускали. Она говорит, что, когда забрала меня, я был живым скелетом, и после меня еще долго в детском саду дразнили Кощеем. Воспитатели на выпускной даже стишок написали:

Ходит Леша, как Кощей,
Ест ни супа и ни щей.

Падает от слабости,
Уважает сладости.

Все смеялись над стишком, а я нет.

Мама постоянно боялась за меня, опекала чрезмерно – а я и без того был до крайности стеснительным. Чего стоит тот день в детском саду, когда я сильно хотел в туалет, но стеснялся попроситься выйти. Набравшись смелости, я тянул руку, но, как назло, именно в этот момент воспитательница задавала очередной вопрос. «Дети, вы знаете, сколько ног у лошадки? Вот Алеша тянет руку – молодец, Алеша! Сколько же у нее ножек?» Я молча вставал и смотрел на воспитательницу, не в силах признаться, что на самом деле мне нет дела до ножек лошадки. «Забыл, пока вставал?» – Я кивал и садился обратно, краснея. В итоге в туалет я сходил в штаны – до сих пор помню, как тряслись от хохота и улюлюканья моих одногруппников стены детского сада.

В шестнадцать лет я боялся спросить в поликлинике, кто последний в очереди, – мог запросто уйти домой, так и не найдя в себе силы спросить…

Поездка на Алтай мне была необходима. Ее бы прописал мне какой-нибудь бородатый врач с очками в роговой оправе, если бы изучил историю моего детства. Внимательно прослушав грудь через стетоскоп и уловив сдавленное клеткой дыхание, он бы со вздохом вынес вердикт:

– Э, батенька, да вы у нас слабохарактерный! Вам, батень-

ка, пора бы выпорхнуть из родительского гнезда!

– Так я, это… – застенчиво сказал бы я, – того… летать не умею.

А доктор бы наклонился ко мне, прищурив взгляд, и так лукаво сказал бы:

– Так в гнезде летать и не учатся!

К тому же я только что успешно провалил зимнюю сессию и не имел понятия, что делать дальше. Какие перспективы могут быть у человека, который отучился в ПТУ на сварщика, поступил в педагогический на преподавателя физики, а в глубине души мечтал о кинорежиссуре, музыке и карьере писателя?

Неоперившиеся, перезревшие и инфантильные одновременно, мы искали себя как могли под звуки шиховской гитары, взращенные на нивах идей свободы, обильно политых паленой водкой «Чарка» за тридцать три рубля. Играли на гитарах, пели и пили – каждый божий день – от безысходности, которая привечала нас в промороженных подъездах подмосковного поселка Селятино. Жизнь предлагала стандартный набор: институт, работа, пенсия, смерть, – но нам хотелось большего. Но вот чего? Мы словно зависли в нашем поселке, а настоящая жизнь мчалась где-то за его пределами.

«Потерянное поколение»… Нас воспитывали в жесткой системе подавления личности и в полной убежденности в собственной несостоятельности. Никто не спрашивал нас, кем мы хотим быть, – роли уже были заготовлены. Хочешь

быть режиссером? Да кто тебя, дурака, возьмет! Хочешь быть музыкантом? Они все мордой в салате! Хочешь путешествовать? Отучись, женись, воспитай ребенка, а потом поезжай куда хочешь. Хочешь… да всем плевать, что ты хочешь! Дай бог, чтобы тебя, дурака, хоть на сварщика взяли. Ты – мышь, заурядная серая мышь, и вот тебе стеклянный коридор, за пределы которого ты никогда не выйдешь, – учеба, работа, дом, семья, радикулит, могила.

Мы со взрывом, свойственным подросткам, входили в тот возраст, точнее, влетали кубарем, цепляя все углы, когда в привычных рамках становится невыносимо тесно. И либо эти рамки сломают тебя, втиснут твою личность в услужливо подготовленную обществом штампованную форму, либо ты сломаешь их вместе с привычным миром и предстанешь один на один перед оглушающе пустой бескрайностью Вселенной. Что с этим делать – решать тебе. А пока ты мал, глуп, неопытен и знаешь только, как считать логарифмы, но это не пригодится тебе в жизни никогда.

Но есть ли у тебя выбор, когда ты растешь на книгах, фильмах и музыке философов, романтиков и бунтарей? Когда внутри пылает огонь? В стеклянном коридоре он сожжет тебя дотла, и ты сгоришь еще в начале пути. Твой прах развеет ветер времени, и никому до него не будет дела. Те, кто говорит о великой цели, забывают о том, что жизнь – процесс, а не результат. Нас втискивали в эти рамки, ломая крылья об острые грани, – а мы лишь помогали им своим бездействием.

Мир взрослых состоял из законов и правил и оттого был понятным; наш же мир еще не создан. Хотя на самом деле и их мира уже не существовало – просто они это еще не осознали.

Но главная проблема была в другом: отпускать в это путешествие нас никто не собирался.

Бойся Росомахи

А что нам надо? Да просто свет в оконце! А что нам снится? Что кончилась война. Куда идем мы? Туда, где светит солнце. Вот только, братцы, добраться б дотемна!
Сергей Галанин

2002 год, июнь

Когда я впервые сообщил родителям о грядущей поездке – они рассмеялись. Сейчас я понимаю, что это было крайне мудрое решение – начать готовить их заранее. Все-таки психика людей советской закалки – вещь пусть и не хрупкая, но и к неожиданным изменениям не привыкшая. До лета было еще с полгода, и потому я периодически напоминал им о своем намерении. Мама продолжала смеяться, а отец через пару месяцев понял, что я не шучу. Возможно, потому что в моей библиотеке появилась толстенная книга «Руководство по выживанию в дикой природе», написанная бывшим спецназовцем ГРУ. Отец на это ничего не сказал, но постепенно в наших разговорах стал упоминать о различных методах выживания.

«Самый свирепый хищник – росомаха, – поучал он. – Ее даже медведь обходит. Увидишь – не связывайся!»

Надо сказать, что отец, до того как стать мастером производственного обучения в подмосковном ПТУ, вырос в де-

ревне в Башкирии и детство провел в лесах – охотился, рыбачил, собирал грибы. К тому же увлекался журналами, книгами, телепередачами по теме выживания в лесу. Да, загуглить «что делать при встрече с медведем» мы тогда не могли…

Отец почти не занимался нашим с братом воспитанием, обычно все ограничивалось ремнем. Так что это были чуть ли не единственные его советы, и я запомнил их на всю жизнь, хотя до сих пор слабо представляю, как выглядит росомаха…

Так что, когда в конце июня 2002 года я накинул на плечи походный рюкзак со скудными пожитками, отец уже не удивился, в отличие от мамы. Но и она быстро поняла, что спорить бесполезно.

Обычно в нашей семье старшие пользовались непререкаемым авторитетом и с детьми особо никто не церемонился. Но здесь я проявил какую-то особенную решимость.

Капитал на поездку мы заработали привычными методами – сдали кровь и бутылки. Этим мы занимались периодически, когда, к примеру, нужно было собрать денег на барабанную установку для нашей группы или (что чаще) когда не хватало на алкоголь.

– Мы как джайнские монахи, – говорил в таких случаях Агап. – Они скитаются без еды, денег и одежды, их так и называют – «обнаженные монахи». Между прочим, высшая каста в Индии.

– Бутылки твои монахи тоже собирают? – подколол его Борыш.

– И кровь сдают? – добавил я.

На самом деле нас устраивал такой вид заработка – все лучше, чем работать. На тот момент я несколько месяцев проработал на заводе сварщиком, где в сигаретном дыму занимался всем чем угодно, кроме сварки, и пару месяцев грузчиком на терминале приема алкоголя, откуда пришлось уйти из-за проблем с зэками – не любили они длинноволосых и порывались меня побить («ты че, баба, что ли?!»). С кровью и бутылками было проще.

Когда в назначенный день мы встретились с друзьями у булочной, первым делом подсчитали потери: мама Борыша никак не хотела его отпускать и отобрала паспорт. Сбежал он с боем, без документов, телефона и денег. Но нас это не смутило. Мы скинули финансы в общую копилку, получилось четыре-пять тысяч на троих. По меркам 2026 года это около двадцати пяти тысяч. Даже нам, привыкшим жить дома, было понятно, что на путешествие в восемь тысяч километров на троих это кот наплакал. Нас это нисколько не задержало, о таких мелочах, как деньги на дорогу, мы вовсе не переживали. Наоборот, мы были воодушевлены началом поездки, о которой мечтали весь год!

С таким настроением мы загрузились в электричку до Москвы. Там нам предстояло заехать в турклуб «Бездна», где наша подруга Лена обещала сделать какую-то бумажку о

том, что мы не бомжи, а научная экологическая экспедиция с целью мониторинга чего-то там на Алтае. После этого мы планировали доехать на электричке до Петушков по Горьковскому направлению, а там… там для нас начнется новый, волшебный мир автостопа.

«Бездна» – место встречи необычных людей. Помимо турпоходов, в клубе проводились музыкальные сейшены, которые мы, само собой, не пропускали. Во времена новорожденного интернета было абсолютно непонятно, где искать новое. Мы свое находили в «Бездне».

Сюда нас привел Августин Гришин, старший брат одного из селятинцев. Августин выделялся среди тогдашних наших приятелей – занимался йогой и медитациями, играл БГ на гитаре, водил в походы тургруппы. Он был из другого мира – мира путешествий и свободы, в который нам так не терпелось попасть. Эдакий луч надежды в кромешной тьме, который обещает, что в мире есть что-то еще, кроме водки, заводов, драк, скандалов с родителями и вечной серой пустоты.

* * *

Постсоветские электрички – это отдельный вид искусства, явно авангардного. Это сейчас они цивильные, с удобными сиденьями и бесконтактными зарядками для телефонов (по крайней мере, в больших городах). Тогда же электрички были с характером, а поездка на них – приключением. Никогда

не знаешь, кого встретишь – торговца с огромными баулами, скинов, дерущихся с приезжими, музыкантов или цыган. В электричке могли избить, грабануть, можно было, заглядевшись в окно, получить из него же камнем от балующихся подростков, случайно познакомиться с неожиданным попутчиком и услышать интересную историю.

Мимо под стук колес проносились родные места, которые в следующий раз мы увидим нескоро. От этой мысли было одновременно радостно, волнительно и немного грустно.

– Почему у электрички колеса круглые, а все равно стучат? – внезапно спросил Борыш.

– Потому что у рельс есть стыки, – ответил Агап, изучая карту – шесть страниц, вырванных из автомобильного атласа времен СССР, которые мы взяли с собой, чтобы не заплутать на бескрайних просторах необъятной родины.

– Не, – хитро улыбнулся Борыш. – Ты площадь круга знаешь?

– Ну да, – вмешался я. – Число пи умножить на радиус в квадрате.

– Вот этот квадрат и стучит! – гордо объявил Борыш. Нас всех это объяснение устроило больше, чем банальные стыки рельс.

Пока ехали до Киевского вокзала, перебирали вещи. Вот, что мы взяли с собой: небольшой запас еды на первое время в виде консервов и круп, трехместная палатка, три легких спальника (мы называли их «с кондиционером», потому что

они почему-то совсем не грели), три туристические пенки, шиховская гитара, новехонький котелок, большой страшный армейский нож, по паре футболок и носков, два кнопочных мобильника и книга с названием что-то типа «Автостоп для чайников». Главной ценностью была, конечно, гитара, которую я одолжил у родителей. Мы в то время без инструмента вообще из дома не выходили. Старенькое шиховское бревно [2] за плечами ощущалось как часть тела, и я ее уже не замечал. Как-то пришел домой, разулся, пошел в туалет и только там обнаружил, что совсем забыл про гитару за спиной.

Рюкзаки были очень легкие – никто из нас не хотел брать в поездку много вещей. Но мы все тут же решили, что, например, вилки – абсолютно ненужная роскошь в таком путешествии.

– Вилка – это мажорство, – сказал Борыш, подняв палец вверх, словно тыкал самим небесам.

– Мажорство есть принадлежность к Системе, – подтвердил я.

– Система – часть Тоналя, который является лишь эманациями Орла, – меланхолично добавил Агап.

Единогласным решением вилки незамедлительно отправились в окно – да простят нас, неразумных, борцы за чистоту окружающей среды! Мы же сочли это жертвоприношением богу странствий и продолжили путь весьма довольные собой.

---

[2] Дешевые советские гитары, производимые на Шиховской фабрике.

«Система» – понятие, под которым мы понимали нудные, архаичные правила социума, которые гласили, что мы должны учиться, работать, а о музыке и путешествиях даже не думать. Понятное дело, система нас не устраивала. «Выйти из Системы» – в то время это были очень модные слова в нашем общении. Не имея особого понятия, как и куда выходить, мы старались делать все, что, по нашему мнению, не укладывается в рамки этой самой пресловутой Системы. Вилки – укладывались. Поэтому они полетели в окно первыми.

* * *

Последний день июня медленно таял в летней жаре, которую уже сменяла вечерняя прохлада. Ветер закручивал в воронку хлопья белого пуха, который совсем недавно укутывал тополя. Он поднимал их над грязным асфальтом, превращая в небольшие торнадо. Вот так бывает: растешь себе на ветке, ни о чем не думаешь, вдруг налетает ветер – не обычный, а ветер странствий, – подхватывает и несет неведомо куда, неведомо зачем.

Дверь подъезда со скрипом отворилась, и из его недр появилась неунывающая Лена с листом А4 в руке. Она дружески обняла нас.

– Что-то вы какие-то невеселые!

Мы действительно выглядели подавленно, уж не знаю почему. Наверное, расставание с домом, пусть и не особо лю-

бимым, но единственным родным местом на земле, и предстоящий прыжок в неизвестность слегка удручал.

– Никак не можем поверить, что уезжаем отсюда, – хмуро сказал я.

– Это поднимет вам настроение! – жизнерадостно ответила Лена и вручила нам сопроводительное письмо.

Мы с интересом принялись изучать отпечатанный на принтере лист. В нем было сказано, что мы не просто бродяги, а участники экспедиции «Алтайский путешественник», в рамках которой проводим «экологический мониторинг окружающей среды». Что это такое – для нас оставалось загадкой. Но в книге «Автостоп для чайников» мы прочитали, что такую справку можно показывать любым госслужащим, которые, едва взглянув на нее, примутся оказывать нам всяческую помощь и поддержку. В самом низу листа стояла жирная печать и размашистая подпись какого-то большого человека из департамента туризма (на самом деле – самой Лены).

– Теперь мы не просто лохи! – торжественно провозгласил я.

– Теперь мы суперлохи! – Борыш кивнул на небо, которое густилось грозовыми тучами.

– Жаль, что не могу с вами поехать! – вздохнула Лена. – Мне группу туристов в поезде везти. Не забудьте – пятнадцатого числа встречаемся в Чемале!

Пятнадцатое число, Чемал – это было не просто далеко, а

словно с другой планеты. Фестиваль «Живая Вода» на Алтае начнется через две недели. В книге было сказано, что до Алтая ехать автостопом трое суток, а уж за две недели можно проехать всю Россию вплоть до Владивостока. Мы же, как опытные раздолбаи, решили не торопиться и заложили побольше времени, чтобы сполна насладиться этими четырьмя тысячами километров. А на самом деле мы просто не имели ни малейшего представления о том, что нас ждет. Да мы и не думали об этом, потому что как думать о том, что абсолютно незнакомо? Просто решили ехать, а там – будь что будет!

– Легкой трассы! – на прощание крикнула Лена, но ее слова потонули в раскате грома. С небес хлынули потоки дождя такой силы, какой Москва не видела несколько лет.

* * *

Трамвай больше походил на пароход – вода доходила почти до дверей, по обе стороны от железной махины горбами расходились темные волны.

– Дождь – это хорошо! – довольно произнес Агап и, глядя на наши непонимающие лица, добавил: – Благая примета.

– То-то я весь в благости по самые трусы! – пробурчал Борыш, выливая из кроссовок воду.

– Наши предки верили, что дождь посылают боги в виде милостыни.

– Агап, естественно, дождь считался благом, когда жизнь

зависела от урожая! – проворчал Борыш.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Дождь хоть настроение поднял.

Борыш хмыкнул и отвернулся к окну. Он долго смотрел на расплывшуюся в каплях дождя столицу – наверняка прикидывал, сколько нужно воды, чтобы превратить нелюбимую нами Москву в Атлантиду.

Казалось, дождь не только смыл с улиц города пыль – заодно и вымыл наши души. Хмурое выражение потихоньку покидало наши лица.

Электричкинг

Электричкой из Москвы
Я поеду, я поеду в никуда!
Там, где слышен крик совы,
Там, где стынет в лужах талая вода!
Александр Ф. Скляр

4100 километров до Живой Воды

Стук колес электрички, негромкие разговоры пассажиров, запах табака из тамбура и мерное покачивание вагона усыпляли. Километр за километром уносились во тьму летней ночи, мелькая на прощание белыми столбиками. 67 … 68… 69… 70… Старая жизнь оставалась позади. Я вглядывался во тьму за окном, но видел лишь неясные силуэты. Такой же мне виделась и прежняя жизнь – серая, монотонная. Сейчас же она устремилась в неизвестное будущее, и оттого становилось немного страшновато.

Электричкинг – это вообще отдельное направление в вольных путешествиях, при условии, конечно, что проезд не оплачивается – а тут мы были мастерами. Почему мы вообще решили часть пути проехать на электричках – я, честно сказать, не помню. Скорее всего, так решил наш штурман Агап, которому мы в этом вопросе доверяли безоговорочно, – думаю, по той простой причине, что брать на себя ответственность строить маршрут «в никуда» было страшно.

Так как мы любили пить дешевый алкоголь и играть на гитарах вместо институтов, родители, конечно, пытались както это все прекратить. В какой-то момент они полностью перестали давать мне деньги на еду и дорогу, и я наловчился ездить в Москву бесплатно. Для этого нужно было пройти несколько испытаний.

Этап первый – электричка. На сленге – «собака». До Москвы от Селятино ехать час, и билетов, понятное дело, никто не брал, даже когда были деньги. Сэкономленные рубли тратились либо на беляш на вокзале, либо на пиво. Либо, если в пятницу планировалась особенная пьянка – а она почти всегда планировалась, – экономили до конца недели, при этом успевая выпивать еще каждый вечер. Чудеса финансовой грамотности!

В «собаке» была опасность нарваться на контролеров, но «сборная зайцев России», как метко охарактеризовал безбилетную тусовку один из наших, к бою была готова. Всех ревизоров на линии мы знали в лицо. Но и они нас, к несчастью, тоже. Самый опасный и принципиальный контролер звалась «Терминатор». Это была необъятных размеров тетушка, которая перла, как танк, и постоянно вышвыривала на станциях какого-нибудь зазевавшегося «зайца».

Бегали мы от них достаточно весело. Правда, это не всегда заканчивалось хорошо: в одну зиму мой товарищ Колян не успел полностью выскочить из вагона – его ногу зажало дверьми, а тело осталось на платформе. Двери почему-то

не открылись, электричка поехала, его поволокло по платформе и только каким-то чудом не затянуло под колеса. До края платформы, огражденного перилами, о которые Колян должно было непременно размазать, оставались считаные метры, но кто-то в электричке дернул стоп-кран, чем и спас моего друга. Колян еще долго после этого не мог ходить и залечивал ногу – ее нормально так стесало. После этого случая бегать от контролеров никто, понятное дело, не перестал.

Если удавалось целыми и невредимыми уйти от Терминатора, то следующим препятствием были турникеты на выходе с платформы Киевского вокзала. Там нас уже ждали. И здесь начинался один из самых интересных этапов.

Обычно мы ездили небольшими группами по три-четыре человека, и задачей было прорваться штурмом через турникеты, которые охранялись группой местных контролеров. Видели бы вы этот сериал, длившийся несколько лет! Это было настоящее противостояние. Как только двери электрички открывались, мы стремглав бросались к турникетам, пока толпа не схлынула. И в этой же толпе за нами бежали контролеры, пытаясь отловить. Стояли крики, мат, смех – в общем, было весело. Кто-то прорывался, кого-то ловили, заставляли платить за билет (а мы помним, что задача была сэкономить кровные на «Чарку»). В один из таких забегов контролер почти настиг меня, но в последний момент я нырнул за огромных размеров женщину с двумя гигантскими сумками-баулами в руках и, преследуемый ревизором, начал

нарезать круги вокруг тетушки. На первом же круге я случайно зацепился за ее сумку, и женщина, сама того не желая, принялась вращаться вокруг своей оси, словно карусель, при этом отчаянно матерясь на всю площадь. Это было настолько сюрреалистично, что я бегал вокруг нее, случайно кружа ее в этом безумном танце, и дико хохотал. А на расстоянии вытянутой руки меня пытался настигнуть контролер, но ему мешала другая сумка женщины. На третьем круге я сообразил, что пора делать ноги, и юркнул в метро.

В метро начинался третий этап. Как вообще бесплатно пройти в метро? Для меня это был вопрос насущный, потому что я уже не просто хотел сэкономить мелочь – ее у меня попросту не было. Но парень я везучий, и Вселенная частенько бывала на моей стороне. Она подкидывала такие неожиданные возможности, что периодически я думал: «Да ладно, так бывает?»

Турникеты тогда были не такие, как сейчас, с красивыми стеклянными дверцами, услужливо распахиваемые невидимым швейцаром. Не-е-ет, в те времена их дверцы были льстиво открыты, но стоило не заплатить – срабатывала ловушка на фотоэлементах, похлеще вьетнамских «бамбу». Не дай бог тебе не сунуть в прожорливую пасть жертву, специальный жетон, – из железного монстра мгновенно вылетали две жесткие створки и с силой били тебя по ногам. Ибо нефиг кому ни попадя бесплатно заходить в самое красивое метро мира!

Конечно, можно было перепрыгнуть. Но под землей нравы были строже, чем на поверхности, был риск и в милицию загреметь. Поэтому прыгали мы только поздним вечером, когда и милиция, и контролеры уже были вялыми и расслабленными после трудового дня.

Но мне везло – один из турникетов на Киевской не работал, а проход был прикрыт – внимание! – сидушкой от табуретки! Помните, такие, с коричневым дерматином? Этим я и пользовался. В утренней толпе я с каменным лицом подходил к этому турникету и делал вид, будто он рабочий. Я что-то прикладывал к нему – пачку сигарет или записную книжку – и спокойно перешагивал табурет. Делал я это так спокойно и нагло, что за все время меня ни разу не заподозрили в нарушении.

Таким образом я попадал в институт. Но попасть туда – одна задача, а была еще вторая – тем же путем вернуться, учитывая, что денег за день не прибавилось. Здесь я проделывал все то же самое, поскольку на Курской, где я учился, – о чудо! – тоже не работал один турникет. Мне это подсказал однокурсник, причем, похоже, сами контролеры не знали, что он нерабочий. И в отличие от Киевской, где сидушку от табуретки я перешагивал в гордом одиночестве, в этот портал халявы ломился весь Институт имени Крупской. Что только не прикладывали изобретательные студенты к турникету, имитируя карточку, – старенькие мобильники, тощие бумажники, игральные карты, зачетки, просто

раскрытую ладонь, – добрый турникет пропускал всех.

Сейчас из нашей способности к выживанию в условиях тотальной экономии можно было бы сделать какой-нибудь онлайн-курс. Но главное сокровище, которым мы владели тогда, – не тысяча и один способ пролезть везде на халяву, а какое-то поразительное умение сделать все равно так, как ты хочешь, когда абсолютно все вокруг тебя отговаривают. Даже если ты сам не понимаешь как.

Москва – Петушки: по следам Венички Ерофеева

Во вступлении к Первому изданию я предупреждал всех девушек, что главу «Серп и Молот – Карачарово» следует пропустить, не читая, поскольку за фразой «И немедленно выпил» следуют полторы страницы чистейшего мата, что во всей этой главе нет ни единого цензурного слова, за исключением фразы «И немедленно выпил».
Венедикт Ерофеев. Москва – Петушки

3900 километров до Живой Воды

– Вы что, из дома сбежали? – Милиционер хмуро смотрел на нас с высоты своего положения в обществе. Он возник перед нами внезапно, когда электричка уже подходила к Петушкам. – Куда едете?

– В Шамбалу, – спросонья ответил Агап, задремавший под стук колес.

– Какую еще шамбалу? – нахмурился милиционер.

Шамбала – колыбель человечества на Алтае, мистический город. Говорят, что туда уходили все духовные учителя человечества: Христос, Будда, Магомет. Обычный человек не способен увидеть Шамбалу, и лишь искателю с чистыми намерениями она открывает свои врата. Помимо Рериха и Мулдашева, с экспедициями на Алтае побывали на-

цистская Германия с целью изучить новые технологии. Но никто ничего не нашел.

Поняв, что Агап сболтнул лишнего, Борыш попытался исправить ситуацию:

– Мы на Алтай едем. Автостопом.

– Употребляли что-то? – нахмурился милиционер.

– Нет, мы просто из Селятино, – попытался оправдаться я.

Милиционер подозрительно оглядел нас, но решил переключиться на алкашей, которые громко что-то горланили в соседнем вагоне.

– Петушки, конечная! – сонно-неразборчиво послышалось из динамиков, и мы вывалились в долгожданную новую жизнь.

* * *

Платформа утопала в тумане, и в нем скользила таинственная тень. Лишь приблизившись к ним, мы поняли, что это очередной алкаш, так же, как и мы, застрявший в час ночи на платформе Петушки.

В свое время сам Веничка посетил это магическое место, о чем писал так: *«Петушки – это место, где не умолкают птицы, ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех – может, он и был – там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыхает по неделям, взгляд бездонен и ясен…»*

Мы пока не могли насладиться великолепием Петушков и просто плыли в тумане, словно призраки, не понимая, где и кто мы. Весь мир для нас – терра инкогнита, а Петушки – единственное пятно света, и то благодаря одинокому фонарю над платформой.

Непонятно, почему мы решили ехать в ночь, ведь это выглядело максимально нелогичным решением – впрочем, как и почти все из того, что мы делали.

Как только наша троица вывалилась на платформу, последняя электричка тут же растворилась в густом тумане, гремя колесными парами. Вокруг не было ни души, что неудивительно – было около трех часов ночи. Даже пошатывающиеся алкаши разбрелись кто куда.

– Ну что, на трассу? – Голос Агапа прозвучал в тумане глухо и неуверенно. Борыш молча смотрел на него.

– Может, перекусим? – предложил я. Все с радостью согласились, потому что, во-первых, мы не ели с утра, а во-вторых, это хоть ненадолго оттянет пусть такой желанный, но такой страшный момент начала новой жизни. Но кто же знал, что это предложение будет роковой ошибкой!

В потрепанном жизнью магазинчике, ютившемся в полуподвальном помещении, мы и увидели ЕГО. Портвейн «Три семерки» по девятнадцать рублей бутылка. Падшая звезда подъездов и подворотен, рокерская амброзия, напиток Цоя и Башлачева, распиваемый в кочегарках и прокуренных репетиционных каморках. Сказать, что мы были в шоке, – не

сказать ничего. У нас на родине, в далекой стране Селятинии, такая бутылка стоила семьдесят, а здесь… Он смотрел на нас – прямо в глаза, клянусь! – сквозь мутное стекло витрины, гордо, с вызовом, как бы говоря: «Я не верю, не ве-е-ерю-ю-ю, что вы, юные хайрастые терзатели шиховских гитар, пройдете мимо меня!» И мы тоже уже не верили.

Решение было принято единогласно и молча. Продавщица поняла нас без слов, по кивку головы – вот она, сакральность двадцать первого века, прекрасная и ужасная одновременно!

Надо сказать, что портвейн неспроста назывался «Три топора» – вкус у него был рубящий и довольно мерзкий, а опьянение тяжелое, словно тебя действительно огрели обухом по затылку. Мы, дети девяностых, выросшие на руинах Советского Союза, вскормленные на нивах рекламы «Малборо» и песнях суицидальных рокеров, нежно любили эту дрянь.

Однако местный портвейн побил все рекорды. Уж на что в то время пили все, что горит и не горит, но это пойло осилить не смогли и оставшиеся полбутылки – да где это видано! – вылили на и так пропитанную алкоголем петушковскую землю.

Однако храбрая вода придала нам сил, и мы отправились через спящий поселок прямиком на трассу – в новую жизнь, полную приключений. А приключения уже похихикивали за углом, готовясь показать нам средний палец.

Азбука автостопа

Незаменимых вещей нет. Можно отправиться, например, из Москвы во Владивосток без рюкзака, без спичек, без денег, без документов… Но есть один объект, который необходимо иметь всегда. Этот объект весит примерно 1500 грамм, умещается в черепной коробке человека, и называется он – головной мозг.
Антон Кротов. Практика вольных путешествий

Если вы никогда не интересовались таким видом передвижения, как автостоп, – как и мы на тот момент, – этот мир станет для вас открытием. У него есть свои писаные и неписаные правила, которые призваны помочь начинающему стопщику ехать быстрее, эффективнее, комфортнее и безопаснее.

Для начала: как отличить автостопщика от обычного голосовальщика, который едет за деньги? По жесту. Местные голосуют, вытянув руку с расправленной ладонью. Автостопщик же не голосует так никогда! Жест автостопщика – это вытянутая рука, пальцы в кулак, и только большой палец торчит вверх, как будто показывает миру, что «все клево!». Большинство водителей на уровне коллективного бессознательного понимают этот жест – особенно таксисты, которые догадаются, что денег вы им не предложите, и потому не будут тратить свое драгоценное время на остановку. По край-

ней мере, так было сказано в книге.

Мы же изучали премудрости автостопа сразу на трассе. Мы вышли на обочину, растерянно покрутили головами и вытянули руки. Ну, как говорится, ловись, рыбка, то есть машина, большая и маленькая!

Что должно произойти дальше, было не совсем понятно. Вроде все просто – ты вытягиваешь руку, и машина останавливается… Но почему-то этого не происходило. Мимо проносились легковушки и грузовики, слепя фарами и обдавая горячим воздухом, не замечая троих длинноволосых парней с рюкзаками. Спустя минут сорок мы задумались: возможно, мы делаем что-то не так?

Заглянув в книгу «Автостоп для чайников», мы поняли, в чем дело. Оказывается, если ночью встать сразу после крутого поворота на скоростной трассе, да еще и втроем, – шанс поймать попутку сводится к нулю. Что ж, нам понадобился всего час, чтобы это понять. А ведь могли просто прочитать в книге…

Чтобы повысить шансы не заночевать в Петушках, необходимо было сменить дислокацию. Тут мы решили сразу довериться книге. Судя по ней, для удачного стопа подходили: пост ДПС, освещенный участок трассы с придорожным кафе, выезд из города или с развязки. В общем, место, где водители: а) едут медленнее обычного; б) более внимательны; в) видят подходящее для остановки место – освещенное и удобное. В общем, прежде чем водитель позаботится о нас,

мы должны позаботиться о нем.

Но смена места не помогла. То ли с нами было что-то не так, то ли было неподходящее время, то ли сказывалась наша неуверенность. Никто не останавливался. Иногда водители что-то нам махали в ответ – делали круговые движения руками, махали в сторону, явно пытаясь нам что-то сообщить, но мы никак не могли понять, что именно. Заглянув в книгу, мы выяснили, что круговое движение рукой означает, что водитель местный и мотается по округе – обычно по работе. Движение рукой вправо или влево означает, что он скоро поворачивает и нет смысла с ним ехать – по нашим рюкзакам понятно, что мы едем далеко.

На самом деле все эти жесты – хороший знак, по крайней мере так утверждала книга. Это означает, что водители нас видят и пытаются общаться. Хуже, если бы на нас не реагировали – это бы означало, что мы слились с окружающей средой. Но как сделать так, чтобы нам перестали махать руками и взяли с собой, было непонятно.

В книге автор писал, что опытный стопщик способен вести достаточно оживленный диалог с водителем за те короткие секунды, пока машина едет мимо. Например, стоят два стопщика, едет машина. Водитель показывает движение рукой вправо – значит, скоро будет поворачивать. Но, предположим, стопщиков это устраивает! И тогда стопщик машет рукой – мол нам подойдет. Но водитель поднимает вверх указательный палец, что означает – только одно место (дально-

бойщикам часто запрещалось возить больше одного, а бывает, что и в легковушке остальные места заняты). Стопщики вновь машут руками – мол, пойдет, поедет кто-то один. И водитель останавливается. Вот такие интересные премудрости были описаны в книге, но нам это все только предстояло познать.

А пока, простояв довольно долго, мы поняли, что новая жизнь для нас сегодня не начнется, и отправились спать на вокзал. Нас утешало то, что в книге было сказано, что стопщики так тоже делают. А мы же тоже стопщики, правда ведь? Ну, хотя бы гипотетически. Побежденные, но не сломленные, мы вернулись к вокзалу, на всякий случай обойдя магазин с портвейном стороной.

Однако попытка спать в зале ожидания – худшее, что приключилось со мной за всю дорогу. Мы планировали лечь сразу на несколько сидений и поспать до первой электрички. Решили: раз уж стоп не задался, проедем еще немного на привычных «собаках». Но, видимо, специально, чтобы такие, как мы, не раскладывали на сиденьях свои спальники, эти самые сиденья были с подлокотниками – как ни крутись, но лечь не получится.

На дворе стояла ночь, от тумана веяло прохладой, ставить палатку в городе негде, до первой электрички еще пара часов, а у нас как раз начал портвейн выветриваться – в сон тянуло неимоверно! Что мы только ни делали, в какие позы ни скручивались – но петушковские подлокотники победили.

От невозможности уснуть мы решили перекинуться в карты, и тут же нарисовался подозрительный тип без зубов и в наколках: «Че, пацаны, в сику режетесь?» Финальным штрихом петушковского сюра стала женщина без определенного места жительства в грязном рваном тряпье – как бы помягче выразиться – неожиданно для окружающих очень основательно сходила в туалет прямо посреди зала ожидания. Мы тут же решили, что лучше померзнем на улице.

Есть ли жизнь за МКАДом?

Опасное это дело, Фродо, – выходить за порог: стоит ступить на дорогу, и, если дашь волю ногам, неизвестно, куда тебя занесет!
Дж. Р. Р. Толкиен

Туман все еще висит над платформой плотной пеленой. В ожидании первой утренней электрички Агап «сушит» кроссовки во влажном тумане, Борыш пытается дремать, сидя на лавочке, опустив голову на рюкзак. Из-за тумана вокруг так красиво и таинственно, что мне хочется что-нибудь сыграть. Я расчехляю гитару…

Это звучит романтично – гитара в тумане, но поверьте – только на бумаге. Как когда в кино пара романтично целуется под дождем или занимается сексом в море… Когда попробуешь это в реальной жизни, то внезапно обнаруживаешь, что лучшим местом для секса является кровать – за тысячелетия ничего удобнее не придумали. Так вот, туман – он тоже не для гитары. Все дело в том, что гитара из дерева, в нашем случае из фанеры, а туман из воды. А дерево от воды рассыхается. То, что гитару надо беречь от дождя, я знал и берег как зеницу ока. А вот что туман – это висящий облаком мелкодисперсный дождь – тут я дал маху.

От первого же аккорда гриф внезапно «выстрелил» и частично отделился от деки. В принципе, такая беда рано или

поздно настигала все знакомые мне шиховские бревна, но чтобы вот так в один момент…

Я в ужасе смотрел на инструмент – расстояние от грифа до струн теперь увеличивалось с каждым новым ладом, начиная от головы грифа, и если на первых ладах еще можно было худо-бедно что-то зажать, то ладу к десятому это уже не представлялось возможным. С другой стороны, наши навыки игры были таковы, что до десятого лада поди еще доберись…

Когда из тумана неспешно вынырнула электричка, мы уже совсем клевали носом. Внутри было почти так же прохладно, как и снаружи, но после бессонной ночи и портвейна жутко клонило в сон. Мы заснули прямо на жестких деревянных сиденьях, похожих на скамейки у подъезда, – такие мне не встречались больше ни в одной электричке.

Но поспать нам не дали – разбудили контроллеры. Билетов у нас, само собой, не было. Спросонья я пытался всучить им сопроводительную бумагу и легенду о том, что мы путешественники-экологи, но вид трех длинноволосых парней с гитарой и явно «после вчерашнего» не способствовал образу. Из электрички нас, конечно, высадили. К слову, сопроводительная бумага, на которую я так рассчитывал, не помогла нам ни разу – зато потом заняла почетное место на моей стене между плакатами с группой «Ария» и мускулистым Шварценеггером.

* * *

И все же мы смогли покинуть родное Селятино.

– Каждое древнее племя считало себя центром мира, – сказал Борыш, растирая затекшие после долгого сидения в электричке ноги.

– Это главный враг человека – его эго, – сонно добавил Агап.

– Дурилка ты картонная! – беззлобно пожурил его Борыш. – Эго – это основа личности человека!

– Верно, – согласился Агап. – И его главный враг.

Я воспринимал этот мир как белое пятно, туман, терра инкогнита. Подсознательно было ощущение, что через сотню километров после Москвы жизнь кончается. Пока мы ехали в Петушки, окружающий пейзаж подтверждал это: поселки встречались все реже и казались все менее опрятными, а потом и вовсе на долгие километры потянулся куцый подмосковный лес. Каково же было наше удивление, когда после Петушков мы приехали… во Владимир!

Мы никогда не осматривали города, которые проезжали, – нам было не до того, да и, честно говоря, не особо интересно. Я всегда любил леса и поля, а не городскую застройку – ну что там смотреть? Но до следующей электрички был еще час, и мы устроили по Владимиру вынужденную мини-экскурсию. Залезли по холму к стенам какой-то явно древней

крепости. Отсюда открывался вид на город – старый, с низкой застройкой на берегу Клязьмы, явно со своей историей. Владимир нас впечатлил.

Но красивые виды города не могли отвлечь от тревожной мысли, что вскоре нам придется выйти на трассу. Мы ждали этого и боялись одновременно.

Последнее путешествие фаталиста

В действительности не существует таких вещей, как Владыка Смерти, боги, демоны или Бычьеголовый Дух Смерти, – это твои собственные галлюцинации. Постарайся осознать это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.